На вопросы Виктора Бакина, члена Союза писателей России, отвечает первый лауреат Патриаршей литературной премии, Почётный гражданин Кировской области, замечательный русский писатель Владимир Крупин. Этот разговор состоялся в период пандемии, осенью 2020 года, когда мы — один в Вятке, другой в Москве — находились на карантине. Я набрасывал вопросы и отправлял их по электронной почте, Владимир Николаевич отвечал. И когда в разговоре была поставлена последняя точка, Крупин признался: вирусная зараза коснулась и его. По словам моего старшего товарища, перенёс он болезнь легко, в отличие от брата Михаила и жены Надежды, которым пришлось сложнее...

Мы знакомы сотню лет и давно на «ты». Участвовали в Великорецком крестном ходе, во встречах с читателями на Крупинских чтениях в Кильмези, книги Владимира Николаевича (с автографами) занимают в комнате полку. И всё же в разговоре решили соблюсти дистанцию, чтобы дружеское расположение не стало помехой.

Владимир Николаевич, на дворе осень високосного года — года непростого, горестного. Для меня високосные годы тягостные — в 2016 году похоронил отца, инвалида войны 95-ти лет, ныне в феврале — операция у жены, а едва поправившись, она сломала ногу... Я не говорю про коронавирус и небывалые ограничения, которые коснулись каждой семьи. Как вы переживаете нынешнее лихолетье? Откуда такая напасть?

Виктор Семёнович, а за что нам не напасти? За что радости? И как ещё только Господь нас терпит и пока не стряхнул с Земли по нашим грехам? Високосный год, он такой же, как и другие, это такое просто поверье — Касьянов год. Отец ваш прожил достойную жизнь, нам бы так. А для меня год нынешний, карантинный — год даже радостный: много работал. Закончил начатую в Вятке, в Святочные дни повесть «Громкая читка». И ещё продолжал свои коротышки-крупинки, которые в основном, легко посмотреть, идут на сайте Русской народной линии. Они не самоцель, а на злобу дня. Отклики на проис-

ходящие события. А события всё невесёлые: нашествие на Россию, её культуру, язык, традиции, образование всё усиливается. Идут таранные удары по славянскому единению, подрывается вера Православная, насильственно рвётся связь поколений, молодёжь оболванивается… Как тут молчать? Нельзя думать, что от нас ничего не зависит. Неправда, зависит. Видишь мерзость, она возмущает твоё сердце, оскорбляет разум — не молчи! Зло боится обличения. Подлость прячется от света. Так что отвечаю на вопрос так: лихолетье — оно нами заслужено. Давно сказано: что в народе, то в погоде. Это и к «погоде» в общественной жизни применимо.

«Лихолетье нами заслужено» — говорите вы. А отцов и матерей наших разве миновало лихолетье, разве «тепло и светло» они жили? А деды наши, а прадеды? Да какой период отечественной истории ни возьмёшь — всё худо, всё лихо. Что так, отчего? Есть у вас тому объяснение?

Объяснение одно. Библейское. С момента Распятия Христа на Голгофе мир разделился: одни за Христа, другие против. Это главное деление мировой истории. Россия приняла Христианство, и теперь она — единственное и последнее прибежище Христа на этой планете. Отсюда и ненависть к ней. Родители, деды, прадеды жили тяжело, тяжелее нашего, но в них действовала живительная сила инерции православной жизни. Эта инерция и в Великую Отечественную помогла победить. Сейчас заметно затухание её. Вроде, всё есть для спасения души: храмы открыты, а в храмы не идут. Но больно же было верующим, которых, к сожалению, стало меньше, когда нынче Пасху Христову встречали у телевизора. Ужасно — на церкви замок. Это отрезвляло даже и неверующих, но и не враждебно настроенных.

Вот-вот: на церкви замок. Службы в онлайн-формате. Великорецкий крестный ход под запретом. Помнится, и вы призывали ныне поостеречься, не ходить на реку Великую. Что так?

Накануне Великорецкого крестного хода я написал обращение, которое было растиражировано в ряде изданий, в том числе вятских. Вот его содержание: «Крестоходцы Великорецкие! Братья и сестры мои дорогие! Надо мужественно, со спокойной душой пережить то, что в нынешний год наш вековечный ход будет иным. Надо это понять и принять. Что делать — нашествие заразы. И она послана нам по нашим грехам, и мы молимся Господу об избавлении от неё. Прислушаемся к Священноначалию, пребудем в послушании. Никто не запрещает молиться святителю Николаю в дни Крестного хода. Этот ход — одно из главных событий в моей жизни. С 1991-го года двадцать лет участвовал в нём. И потом старался всегда проводить его. Когда он идёт, мысленно иду вместе с ним, ибо знаю все его дороги, остановки, ночлеги. Помню церкви Макарья,

РОО «Возрождение Вятки»
фото: Александр Крохов

Бобино, Монастырского, Медян, Мурыгино в развалинах, запущенное Горохово, искалеченное Великорецкое. Как болело сердце, как истово читали мы Акафист Святителю, как верили, что мы, с истёртыми в кровь ногами, искусанные комарами, недосыпавшие, недоедавшие, будем услышаны. Да, так и случилось. Смотрите: возвысились храмы, гремят колокола, слышится пение хора, звучит пастырская проповедь. И как мало мы ценили такую великую Божию милость. Будем смиреннее и мудрее. Усилим келейную молитву. Услышим друг друга. Сердца наши бьются в унисон. И, как всегда, «единым сердцем, едиными устами», обратимся ко Господу и к любимому нашему святому, святителю Николаю Великорецкому. Он никогда не оставлял нас. Не оставит и нынче. И Богохранимую нашу Вятку, и всю Россию. Раб Божий Владимир Крупин». Вот таким было моё слово, мой призыв быть смиреннее и мудрее.

Первого июня, буквально за день до начала хода, когда с одной стороны послышались возгласы: «А мы всё равно пойдём», а с другой стороны, от местных жителей поступило заявление: «Встретим паломников закрытыми дверями», я вновь решился на вразумление: «Братья и сестры, Великорецкие паломники-крестоходцы! Особенно те горячие головы, которые заявляют: «А мы всё равно пойдём! А вот мы всегда ходили! А мы сильнее всех верим в Бога!» И будут считать,

что они такие смелые, нежели те, кто слушается пастырского благословения. Милые мои, самочиние — это самая настоящая гордыня, мать грехов. Мы, православные, живём из послушания. В послушании наша сила, это главное качество души, путь ко смирению. Вы хотите спасти душу? Так что же вы такие бодливые овцы? Вам говорят: молитесь келейно, дома. Разве нет у вас икон в Красном углу или нет Акафиста святителю Николаю? И в какое положение вы ставите наших пастырей, любимых батюшек, Владыку? Они что, вам плохого желают? Или они все эти годы не шли вместе с нами? Их не кусали комары? Их не на руках несли, и страдали они больше любого из нас. Давайте их пожалеем и поймём. И успокойтесь, дорогие мои! У Бога дней много, ещё потопчем Великорецкие дорожки, дадим им годок отдохнуть. Но самое горькое для меня, вятского уроженца, вот эти письма с нежеланием принимать у себя крестоходцев. Это поражает в самое сердце. Увы, многие годы ходил я на Великую и замечал, что в Крестном ходе уже больше приехавших из других мест, нежели вятских. Что ж вы такие? И как рука поднималась ставить подпись? Это, простите меня, трусость и шкурничество. Вот от того-то у нас не Богоспасаемая знаменитая Вятка, а обычный малоизвестный областной город Киров. Вспомните настоящих вятских, которые, особенно в хрущёвские времена, спасали Крестный ход. Они были бы рады пожить в наши времена, слушаться пастырей, ибо послушание — это и есть вера в Бога. С любовью, ветеран-крестоходец, раб Божий Владимир Николаевич Крупин». Впрочем, я прекрасно понимал: несмотря ни на что, ни на какие коронавирусы и запреты, паломники всё равно пойдут на Великую… Так и случилось. И тогда я написал ещё одно обращение, точнее, послесловие к Великорецкому Крестному ходу, о котором мало известно: «Братья-крестоходцы! Все дни Великорецкого Крестного хода я мысленно, как уже много лет и так, видимо, уже останется до скончания моего века, шёл с вами. Нынче много было и видео, и аудиоматериалов плюс постоянные разговоры по телефону. Честно скажу: всё время испытывал чувство радости за вас и упрёки себе: чего ради я уговаривал вас не ходить на Крестный ход. Я же знал, что вы всё равно пойдёте. Но писал свои Обращения искренне, и ничуть не раскаиваюсь в написанном. Священноначалие, не благословляя паломников идти в этот год, брало на себя молитвы за них. Почему было не поверить наставникам?

Кто главный в мире? Господь Бог. А на земле? Слуги его, священство. Но видите, как получилось — нынче священство было подмято госслужащими, а те — санитарными врачами. Объяснить последним про верховенство Высшей власти было просто некому, командовали они. Приказали — носим маски, указали — сидим дома. О, как оживились, как возликовали

в вирусное время безбожники всех мастей! Как походили они в нынешний год на большевиков и коммунистов, гнавших крестоходцев при Советской власти. Очень многих я ещё застал: и легендарных Прокопия Ивановича и Маргаритушку, многих.

О Крестном ходе написал я три повести: «Крестный ход», «Великорецкая купель» и «Неделя в раю». И отца Леонида помню ещё просто Леонидом Сафроновым. И наши разговоры со старухами на остановках. И их рассказы о гонениях. Но то гонение было явным, распоясанным: выслеживали, вытряхивали из заплечных мешочков на дорогу жалкие припасы, насильно сажали в кузова машин, увозили подальше и высаживали. Теперешнее демократическое гонение изощрённое: оказывается, о нас заботятся, о нашем здоровье. Как заботятся? Тем, что заставляют жителей не пускать ночевать, закрывают магазины, не обрабатывают дороги от клещей, загораживают лестницы к реке, закрывают купель? Причём, начальство не хуже меня знало, что люди всё равно пойдут. Значит, как они рассуждали: ну и идите, если не слушаетесь, идите, замерзайте, пусть вас клещи кусают, пусть вам есть будет нечего, и врачи вас не будут сопровождать, мы же о вас заботимся. Такое отношение запуганного начальства я даже мог и понять, хотя ничем не оправдываю. Но более всего меня до боли сердечной поразили письма жителей, которые отказывались принимать в свои дома паломников. Боятся заразы? Но есть же баня, дровяник, сарай, хлев, крыша какая-никакая. Они не паломников не пускали, они Христа не принимали. А в хрущёвские времена приютили бы обязательно. Наказывали за это, списывали трудодни, лишали 13-й зарплаты, переносили отпуск с лета на зиму, но шли же, но находили же приют. И страшные слова приходится вымолвить: Вера в Бога слабеет, Россия гибнет. Но Крестный ход шёл — Россия жива! И в этих словах нет противоречия. Сердечно винюсь перед вами, братья мои и сестры. Если кого в чём огорчил, простите. Очень благодарен вам. И за меня помолитесь, чтобы дал мне Господь сил на старости лет дожить до будущего июня и хоть как-то поучаствовать в Крестном ходе. И вместе помолимся за наших власть предержащих, сами они молиться не умеют, но ведь тоже люди. А в отношении священноначалия есть такое правило: нравится тебе священник — молись за него, не нравится — тем более молись, чтобы Господь его вразумил.

Последнее: всё-таки, придя на исповедь, покайтесь в самочинии. Думаю, батюшки поймут. И епитрахили покроют ваши головы. С поклоном, раб Божий Владимир Крупин». Вот здесь я всё сказал, добавить нечего.

Великорецкий крестный ход вы прошли памятью, воспоминанием, заочно. Но месяц спустя, в середине июля, случился уже очный крестный ход в Ярском районе Удмуртии — на

исток реки Вятки, где был установлен Поклонный крест. Расскажите об этом памятном событии, Владимир Николаевич. Крест-то мы вместе устанавливали, но какая подготовка этому предшествовала? Как возникла самая идея установить этот крест?

Что предшествовало? Как было, так и скажу. Думаю, не у меня одного мысли о Кресте на истоке были. Они у меня были всегда, но резко овладели мною после посещения истока Камы в Кезском районе. Залюбуешься! Камнем обделано, часовня, в перспективе — купель. Конечно, им легче, там болота нет. Но чем же наша Вятка милая хуже? Обе они, сестрички, главные питательницы Волги, как их не отметить? А Вятка только и дождалась от людей языческих скульптур. Да это и не в осуждение говорю: делали люди от души. Но не Баба же Яга начальный родник создавала — Господь Бог его к нам вывел. Этот дар самое достойное чем отметить? Конечно, Крестом! Тогда же и высказал нашу вятскую печаль Владыке Глазовскому и Балезинскому Виктору. И далее, это его всецело заслуга. Звонят в мае: Крест готов. Созванивались и с отцом Валерием Ярским и с отцом Романом Балезинским. Чаще через нашего давнего знакомого, крестоходца Александра Чиркова, великого трудягу. Выбирали время. Тут всякие страхи из-за этого вируса. Но если сдвинуть на осень, там вообще не пройдёшь. Владыка благословил на 13 июля, день Святых апостолов. Дальше вы сами знаете. Меня и Сашу от Яра посадили на дрезину, на которой везли Крест, и мы пешком не шли (жалели, видно, мою старость), а прикатили как баре к знаку «Исток Вятки», а оттуда уже со всеми шли по болоту, это километра полтора, самые трудные. Мне Саша нашёл сапоги, но иногда вода заливалась через голенища. Но всё прошло прекрасно. Как песню спели. И это согласное молитвенное пение: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» –поочерёдное братьев и сестёр, незабываемо. Конечно, кусали комары, грызли пауты, но и это сейчас вспоминается с радостью. Ещё же каждый нёс камень для фундамента под Крест. Помню мальчика, который тащил тяжёлый камень, но не бросил его. Ему, бедному, даже и комаров нечем было отогнать: руки заняты, но дотащил. И уселся у истока, весь искусанный, еле дыхание переводит, но такой счастливый! Вот наше будущее.

Помнится, об этом мальчишке вы даже короткий рассказ написали, памятную мне «коротышку». Думаю, не будете возражать, если мы его в наш разговор вставим?

Не буду, конечно.

Мальчик и камень

Мы устанавливали Крест на истоке реки Вятки. Мужчины несли огромный Крест, иконы и хоругви, а всех остальных батюшка просил взять по камню, чтобы укрепить Крест. Исток был на болоте.

И навсегда запомню мальчишку, который выбрал камень, даже по виду тяжёлый, и потащил. Пожалев его, я сказал:

— Возьми камень полегче!

— Донесу, — ответил он.

И когда шли по болоту, а это долго и трудно, проваливались в воду, насекомые тучами жужжали и кусали, я иногда оглядывался и видел, что мальчику тяжело: у него же руки заняты, его тоже кусают, и не отгонишь этих кровососущих: руки заняты, а он идёт и идёт. И даже подпевает молитвам.

Дошёл, миленький! Положил свой камень ко Кресту, напился и умылся из истока реки своей родины. Сел на траву, глубоко дышал и радостно улыбался.

Этот мальчишка для меня — символ моей будущей России.

И символ и пример. Он терпел жару, усталость, укусы насекомых, жажду, но шёл, нёс свой камень к подножию Креста.

Будем подражать этому мальчику, понесём камни своих трудов ко Христу. Да, тяжело, да много гнуса вокруг. Но всё равно же надо идти и дойти. И жажду утолим, и усталость пройдёт. А следы укусов — это награды…»

Что поразило… На месте истока реки Вятки нас встретили языческие истуканы. И получалось: Вятка берёт начало из-под юбки деревянной бабы. При этом над истоком ещё парила в ступе Баба Яга… Ну, куда это годится? Кощунство какое-то!.. Естественно, эти истуканы мы убрали. Но потом слышал, вас даже обвиняли: как это вы посмели тронуть эти изваяния? Мол, не вами поставлены, не вам и убирать. Это на самом деле так?

Видите, Виктор Семёнович, те, кто устанавливал фигуры, вовсе никакие не злодеи, не кощунники, они искренне думали, что это хорошо — персонажи мифологии. Я уже извинялся пред ними, но стою на своём: мы поступили правильно. Исток Вятки — Божие достояние. А Бог для нас — Иисус Христос. А Христос — это Крест нашего спасения. И, вспомните историю, святых Стефана Пермского, Трифона Вятского, уничтожавших идолов. Мы, кстати, фигуры эти не рубили, не сжигали, отставили в сторону. А скульптуры лесовичков, искусно сделанные, оставили стоять: они вышли из леса полюбоваться на исток… Да и потом: хорошо бы взяты были героические персонажи русских сказок, былин, удмуртского эпоса. А Баба Яга никак не рифмуется с Божьим даром — живой водой. А с главной бабой, украшенной национальным узором, тоже проблема. Не из-под юбки вытекал исток, а из её широко разинутого рта. Зрелище более чем неприглядное. Да и её мы не тронули, аккуратно положили в сторонке. А разговоры уже и утихли.

Один из батюшек, который шёл вместе с нами к истоку Вятки, заметил после молебна: «Установка Поклонного креста — хорошее и большое дело. Но всё же это не всё. Далеко

не всё. Теперь мы не вправе забывать о нём. Надо каждогодно 13 июля приходить сюда с молитвой…» Как думаете, сложится ли такая традиция крестного хода к истоку реки Вятки?

Очень бы хотелось. Этот батюшка, отец Валерий из Ярской церкви, забыть о таком дне не даст. Я это понял, стоя с его прихожанами на Благодарственном молебне по случаю установки Креста. Единоустное пение, истовые поклоны, то, что называется «единым сердцем и устами» в приходе его очень высокое. Да и нам, дай Бог, приезжать в этот день.

Великорецкий крестный ход… Крестный ход на исток реки Вятки… Как-то вы обмолвились, что русскому человеку, а уж тем более русскому писателю, непременно надо сходить в крестный ход, чтобы многое понять, почувствовать…

Да, так. Крестный ход — школа любви и молитвы, Крестный ход — аккумулятор для зарядки нашей духовной и душевной энергии, Крестный ход — дорога ко спасению. Россия спасается Крестными ходами, не мои слова, но с радостью их повторяю. Даже кратенький Пасхальный Крестный ход вокруг храма необычайно впечатляет. Да, а уж русскому писателю, поэту — это прививка от чёрствости сердца, ключ к познанию русского характера. Как без этого? Приятно заметить: Вятка — это пример участия пишущей братии в Крестном ходе. Наша «гороховская бригада» — сплошь почти писатели.

Коронавирусная инфекция накладывает ограничения на общение, передвижение. А вы в последние месяцы и в Удмуртии побывали, и в Вятку съездили, и в Дагестан слетали. Не жалеете себя, Владимир Николаевич, не бережёте…

Нет, я из себя не изображаю супермена, соблюдаю санитарные правила поведения. Но всегда знаю, что не они оберегут, а Господь не оставит. Об этой инфекции могу только сказать, что какая-то лихорадочная поспешность с прививкой этой вакцины против неё очень меня настораживает. Сразу видно, что прививка не очень-то добровольная. Начнут с силовых структур, а они и не пикнут. Потом за нас возьмутся… А что касается поездок… Об Удмуртии мы поговорили. Теперь о Дагестане. Неужели я мог прожить жизнь и не побывать в Дагестане? Нет, это невозможно. Я только что с трапа самолёта. После южной жары вдыхаю московский холод, как хорошо! А в благодарной памяти солнечные дни гамзатовского праздника «Белые журавли». Лица людей, которые внимали выступлениям поэтов, съехавшихся отовсюду, как на ежегодный экзамен верности Поэзии. Разные языки в переводе на русский звучали. Русский, как никакой другой, избранный свыше для выражения чувств и мыслей разноязычной нашей российской семьи. Странно даже видеть потуги деятелей во властных структурах — объявить английский язык языком общения в России. Английский — деловой язык, язык торговли, в нём

Пушкина, Тютчева, Лермонтова нет, нет и Некрасова, и Есенина, души нашей в английском нет. Его просто мало для выражения вечных понятий любви и сострадания. И не только. В нём есть нечто захватническое: где он появляется, там колонизация, сырьевая база, где русский — там единение людей. Распахнутый простор над родиной автора «Журавлей», над его могилой. Вот и занял дорогой наш поэт место в строю защитников мировой культуры. Не печалью веет от надгробных молитв, торжественностью и радостью от того, что мы — современники — жили во время создания им оставленных нам произведений. Помню освежающее впечатление от книги «Мой Дагестан». И не случайно перекладывал её на русский язык поэт Владимир Солоухин. Расул Гамзатов уже тогда был знаменит, переводчики считали за честь переводить его. Но выбрал он — Солоухина. Они были синхронны сердцами в главном, в сыновней любви к родине. К тому времени были широко известны и знамениты солоухинские «Владимирские просёлки». Кто, как не он, почувствовал братскую любовь аварского собрата к рассветам и закатам этих суровых и прекрасных мест, к этим много перестрадавшим людям? Мы всё говорим о влиянии русской литературы на литературы народов и Советского Союза, и теперешней России. Но есть же влияние и литературы этих народов на русскую. Есть, и непременно. Расул Гамзатов здесь — чёткое этого доказательство. «Мой Дагестан» благотворно повлиял на всплеск обращения русских авторов к своим истокам. Напрямую или косвенно повлиял. Выстраивается такой ряд: «Лад» Василия Белова — изумительные очерки о культуре вологодской земли, Распутинская «Сибирь-Сибирь», Абрамовская «Трава-мурава», Лихоносовская «Тоска-кручина», Потанинские «Пристань» и «Над зыбкой», Астафьевские «Затеси», Личутинская «Русь неизъяснимая», Екимовская «Пастушья звезда»... это только то, что сразу приходит в голову. Осмелюсь назвать и свою «Вятскую тетрадь». Это литература любви к родине. Именно такая письменность держит нравственный свод над Отечеством, не давая превращать его в территорию проживания, а называть и считать Родиной. Любовь к ней — главное чувство, которое более всего спасает нас. Совсем не случайно, что литературу, мною названную, никогда не поддерживают либеральные критики. Полное ощущение, что у них и родины нет. И как это можно не любить Россию, если рождён в ней? Но вот — не любят...

Но вот в Сибирь, в Иркутск, на родину Валентина Распутина карантин всё же не дал слетать. А вы — лауреат премии имени Валентина Григорьевича этого года. В прошлом году эту премию вручали именно в Иркутске. А что ныне? И вообще, что для вас эта награда — премия имени друга?

Виктор Семёнович, я тем и был знаменит, что отказывался от всех

премий. Начал с отказа от толстовской, ибо для меня учение Толстого неприемлемо и отвратно. Мало ли, что большой художник, это не оправдание проповедей против царя и священства. Потом отказывался и от остальных премий. Но не мог же отказаться от Патриаршей. Так и с премией Распутина. Мы же дружили 42 года, как отказаться? Пусто и тоскливо без него. Ещё друг остался последний, Анатолий Гребнев, но не дай Бог ещё и его имени премию получить. Да, а в Иркутске не получилось побывать. Да уже и не хочется. Уже был дважды после похорон, такая печаль!

Каким писателем был Валентин Распутин, знает вся Россия, весь читающий мир. А каким он был другом? Были ли у вас за эти сорок лет дружбы какие-то споры, ссоры, расхождения во взглядах?

Да таким же, как и писатель: скромным и требовательным. Пристальным и прощающим. Но непримиримым к пошлости и фальши. Всегда замечающим, где нужна его помощь. Кстати, человеком он был с юмором. Вот это — его юмор, из прозы его не вытекает, но в жизни он был весёлым и лёгким в общении. Ни ссор, ни расхождения во взглядах не было никогда. Если он в чём был несогласен, он прямо говорил, если его не понимали, он не добивался понимания, просто замыкался, отмалчивался. Я ведь в рассказе «Исцеление» главное место уделил именно Распутину. И Белову, и Астафьеву. Всем моим старшим братьям. Великие были люди. Но не я же за ними бегал, они сами меня привлекли в свой круг. И мне было и легко — уровень общения и пример — и трудно: я-то что могу к ним добавить?

Распутин — человек с юмором? Исходя из его произведений трудно в это поверить…

Конечно, он, в основном, был пессимистом. А если припоминать какие-то примеры… Юмор был по ходу жизни, по случаю, вырванный из происходящего, он не прозвучит.

Однажды я видел телевизионный сюжет из Иркутска, из дома-музея Распутина, где показали небольшую коллекцию дымковской игрушки Валентина Григорьевича. Он что, любил нашу «дымку»?

Да, любил, и очень. И в московской квартире наша «дымка» у него была. Мастериц Племянниковой, Барановой, Борняковой, других.

Говорят, он был так же увлечённым собирателем колокольчиков?

Это да. Тут, к этому его увлечению подключились и знакомые его. В частности, жена моя Надежда всегда привозила для него колокольчики. В Новгороде Великом нам с ним подарили поддужные валдайские. Он любил, что-то доделав, дописав, победно в них позвонить. Жива ли коллекция в полном виде, не знаю.

А помнил ли Валентин Григорьевич поездку в Вятку, в которой он был, по-моему, один-два раза? Не приглашали его принять участие в Великорецком крестном ходе?

Конечно, звал. Но как-то всё не совпадало. Первый раз он был на практике в «Комсомольском племени», году не знаю в каком, наверное, конец 50-х — начало 60-х. Говорит, что запомнил только дорогу от гостиницы до редакции. Видимо, крепко запрягали, гулять было некогда. Второй, и последний раз приезжали, опять же точно не помню, годах в 80-х, зимой. Некогда было даже ему город показать: встречи, выступления. Но всё-таки в Великорецкое съездили: Распутин, Анатолий Гребнев, Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Валерий Фокин, Геннадий Гусев, Николай Переторонин, журналисты. Тоже — ни то, ни сё. Хотя к источнику спустились и погрузились. Не все, но большинство. Встречи в пединституте, в Кирово-Чепецке. Успели всё же с Валентином к моей маме зайти. Но тоже всё на бегу. Брат Михаил сделал снимок. Конечно, какое же тут знакомство с нашей Вяткой, даже не шапочное. Я-то в Иркутске многократно бывал и живал подолгу.

Летом прошлого года я был в Красноярске, побывал и на кладбище в Овсянке, где Астафьев похоронен с женой и дочерью. Знаю, и Распутин завещал похоронить его рядом с родными: супругой Светланой и дочерью Марией. Почему не была выполнена его последняя просьба?

Валентин водил меня на могилы дочери и жены. Это Смоленское кладбище. Оно за Ангарой. На мосту всегда пробки. Это я к тому, что добраться туда трудно. А это важно в случае с Распутиным. Это одно, но не главное. Главное: благословение правящего архиерея об упокоении писателя в ограде Знаменского монастыря. Это фактически центр города. Монастырь этот Валентин Григорьевич любил, всегда водил туда приезжающих к нему гостей. Мы много раз там бывали, стояли у могилы знаменитого путешественника Шелихова. В надгробной надписи соединились великие наши Ломоносов и Державин. Первый пророчески: «Коломб российский через воды спешит в неведомы народы. Коломб (Колумб) здесь росский погребён». Державин позднее доработал строку: «Коломб наш — Шелихов чрез воды спешит в неведомы народы». Символически можно сравнить деяния Шелихова с трудами Распутина: они же тоже спешат в неведомы народы. Могилы их недалеко друг от друга. Вообще, так получилось, что я был на похоронах всех любимых моих писателей: Шукшина, Астафьева, Белова, Абрамова. И если могила Шукшина на Новодевичьем кладбище в Москве, то остальные все — на своей родине. Василий Иванович очень жалел, что его друга Василия Макаровича оставила в себе Москва, а не отдала в Сростки. Именно в Сростках и сам Шукшин

хотел упокоиться. А Белов — в вологодской Тимонихе, Астафьев — в красноярской Овсянке, Абрамов — в архангелогородской Верколе.

Вспомнил сейчас один из пронзительнейших рассказов Распутина «В ту же землю…», где пожилая женщина самостоятельно хоронит мать. А что вас в творчестве Валентина Григорьевича поражает больше всего?

Даже не знаю. Как-то он сказал: «Мне ничего придумывать не надо, надо просто вспомнить». И в самом деле: картины природы, судьбы людей настолько достоверны, что даже и мысли нет, что это сочинено, это прожито и мы в этой жизни. В описанное им не просто веришь, а просто принимаешь на веру.

«Мне всегда писалось трудно…» — признавался Распутин. А делился ли он творческими планами? Что его волновало в последние годы? О чём не успел написать?

Планами, замыслами? Никогда.

Осенью 1994 года в Иркутске по инициативе Распутина впервые прошёл праздник русской духовности и культуры «Сияние России». Знаю, вы в нём неоднократно участвовали. А проходит ли он теперь?

Проходит, но хило: личность ушла из него. На Распутине это «Сияние» держалось. После его кончины я, считая похороны, был в Иркутске трижды. Каждый раз невыносимая тоска: улицы, где ходили, Байкал, дома, где он жил. Я ещё был в его квартире на проспекте Гагарина в 72-м году, потом многократно на улице 5-й армии (сейчас вернулось наименование — Харалампиевская). Нет, уже нет сил возвращаться в те дни. Никакого «Сияния» там для меня больше не будет.

Уже пять лет нет с нами Валентина Григорьевича. Год спустя после его кончины в серии «ЖЗЛ» вышла его биография, написанная Андреем Румянцевым, о которой нелестно отзывался сын Распутина Сергей. А у вас, Владимир Николаевич, не было мысли написать о друге?

Написать подробно о Распутине? Нет, и мысли не было. И не смог бы: слишком близко всё. О нём писали многие: Гурулёв, Анашкин, Курбатов, Скиф… Что-то у каждого интересно. Лучше других, думаю, получилось у Валерия Хайрюзова. Я писал о Распутине ещё и при его жизни, раза три-четыре. Пару-тройку предисловий к его книгам. Очень и ему благодарен за статьи обо мне, грешном. Поподробнее писал о нём в большом рассказе «Исцеление».Там ещё и о Белове и Астафьеве. Вот с кем свела меня жизнь. И надо бы найти сил рассказать о тех, с кем был дружен, кому подражал, кому был обязан: о Свиридове, Шукшине, Солоухине, Абрамове, не забыть и Чивилихина, Проскурина, Залыгина, Личутина, Бондарева, Юрия Кузнецова, Лихоносова, Потанина… достойнейшие люди, прекрасная русская литература, граждане Отечества. Но вот, даже не

из-за возраста, из-за атмосферы нового времени в России — не пишется. И в этом не стыдно признаться. Всё, за что мы боролись, попрано и убито, оболгано. Для кого писать? Для тех, кто нас за людей не считает? Остались, конечно, единицы, группочки людей вокруг хороших библиотек, хороших учителей литературы, но это капля в море жадности и пошлости. Но, вспомним для утешения выражение: «И капля море освящает», есть и такая истина. Нет, я вовсе не отчаиваюсь. Но жить тяжело.

Из рассказа «Исцеление»

«…Сорок три года мы были дружны. Осенью 72-го я прилетел на совещание молодых писателей от издательства «Современник». Два месяца назад утонул Александр Вампилов, друг Распутина. Вечером сидели в обкомовской гостинице, теперь она «Русь», Валя неожиданно сказал: «А поехали на могилу Сани». Получилось, что поехали только мы вдвоём. Поймали частника. Был гололёд, машина на подъёме перед кладбищем буксовала. Вышли, толкали. Я даже снял свой полушубок и швырял под колесо. Сей полушубок был упомянут в стихе Валерия Фокина «На проводы»: «Нынче солнышко светит ласково. Может, кто и нетрезв, да не глуп. Не похож на дублёнку канадскую твой тяжёлый ямщицкий тулуп».

Сорок три года. Это же сотни чаепитий, то у него, то у меня. Как он описывал заварку чая, так и заваривал. Процедура, священнодействие. Ополаскивал чайник, разогревал. Заварку клал бережно, но не экономил. Смеялся, вспоминая анекдот: «Евреи, не жалейте заварки». Смешивал чаи. Добавлял привезённого чая «Курильского» или «Золотого корня». У него и жена Света такая же была, как он, чаёвница. «У нас может быть всё самое скромное, но не чай». Воду сильно не кипятил. Свежим кипятком заливал чай не до верха, накрывал шерстяной плетёной салфеткой, настаивал, потом отливал немного из чайника в чашку и выливал обратно. Это он называл «подженить». У нас в Вятке делали так же, только называлось «учередить». Возил с собой в непрерывные поездки «заварную» ложечку с крышечкой в дырках, кипятильник. От этой ложечки разом всё вспомнилось — дороги по Японии, Монголии, Италии, Финляндии, Болгарии. А поездка в Тунис по приглашению Ясира Арафата? А на схождение Благодатного Огня в Иерусалим! И все эти выездные Секретариаты, Пленумы, Съезды, Дни литературы в союзных республиках. Да на одно, им начатое и проводимое событие каждого года, «Сияние России», сколько раз прилетал. А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орёл… В Киеве долго шли от Киево-Печерской лавры через Аскольдову могилу, стояли потом у памятника великому князю Владимиру. Мурманск особенно запомнился: под Мурманском был ранен его отец. Почему-то ближе к полночи вышли. Площадь Пяти углов. Странно и не-

привычно: по времени глухая ночь, а стоит белый день, солнце ходит как наливное яблочко по блюдечку, на улицах никого, сонное царство.

Днём встреча на атомоходе «Ленин». Вначале экскурсия по этой громадине. «Не могу понять, чудо это или чудовище», — сказал он тогда. Ещё в Североморске встреча была. И в Апатитах. Или в Кировске? Нет, в Кандалакше. А его приезд в родную мою Вятку, в Великорецкое… Но всё бегом и бегом. Всё вспомнишь, да не всё перескажешь…»

В одной из повестей вы вспоминали писателя Владимира Тендрякова, который благословил выход вашей первой книжки «Зёрна». Он тоже по рождению вятский… Расскажите о вашем знакомстве.

О Тендрякове много сказано в повести «Громкая читка». Познакомился с ним в начале 71-го в издательстве «Современник», где только начал работать редактором. Но жизнь развела нас в 76-м, когда я стал причащаться. Он же был атеистом. Даже ярым. Но человеком был порядочным. Написал предисловие к моей первой книге «Зёрна». Вспоминаю его всегда с благодарностью.

Из предисловия Владимира Тендрякова к книге Владимира Крупина «Зёрна»:

Было бы, наверное, некоторой неосторожностью с моей стороны заявлять, что молодой писатель В. Крупин чрезвычайно глубок, исключительно прозорлив в своей первой книге «Зёрна». Пусть сам читатель оценивает его. Но бесспорно, на мой взгляд, одно — он обладает своим взглядом, своим отношением, что принято в обиходе называть несколько подзатасканным словом — самобытностью. И по рассказам и повести отчётливо чувствуешь, что она идёт от пережитого, от биографии человека, который родился в глубине России, чьё детство легло на голодный конец войны, на тяжёлое послевоенное время, кому пришлось пробиваться к образованию, к культуре, рассчитывая только на свои силы… Первая книга не даёт никаких прав на снисхождение. Её следует судить столь же строго, как и любую другую книгу. Не сомневаюсь, кому-то что-то может здесь не понравиться, что-то кого-то оставит равнодушным, но если вы, читая, почувствуете, как я почувствовал, надежду — этот автор ещё скажет нам многое, значит, творческое знакомство оказалось содержательным…

Марья Семёновна Корякина-Астафьева, жена писателя Астафьева и сама писатель, тоже по корням была вятская. Не говорили с ней об этом?

Увы, нет, не говорили. У них, кстати, и нянька была, если не ошибаюсь, из Фалёнского района. Тоже вятская…

Как-то вы заметили: «Мы, русские — богатейшие люди. Ходим по золоту: Жития святых, былины, сказки, песни, предания, загадки… Нагнись, поклонись, подними и в сердце положи…»

Но нужны ли загадки, былины и сказки в наше рациональное и потребительское время?

Ну, как же не нужны, когда они насквозь современны. Айфон айфоном, а голова на плечах своя. Подчиняешься этой коробочке и ты — раб её. А когда чего-то пытаешься сам соображать, тут на помощь приходит не электроника, а вековечные запасы народной мудрости. А они как раз в приметах, пословицах, тех же сказках, песнях, загадках, былинах, житиях святых… Не пользуешься этим — сам виноват, живи дураком. У нас всё теперь уходит в хохмы, а хохмы скабрёзны, всё об одном: деньги, постели, как обмануть, как нажиться, как избавиться от конкурента. Какая тут жертвенность, какая помощь слабому?

Но трудно не согласиться, что нравственное очерствение расширяет свои границы. Выгода, на первом месте выгода. Или вы не согласны?

Почему не согласен, когда это явно, когда нашествие бездуховности крепчает, становится агрессивнее. Но из этого не следует, что надо этому подчиниться. Напротив, это должно подвигать нас к сопротивлению: к молитве, покаянию, очищению совести, творению добрых дел. Давно заповедано: зло злом не побеждается, только любовью. А так, конечно, легко впасть в уныние. Но и тут есть предостережение, что уныние — грех. Грешить грешно. Так что это для нас — нравственный ориентир.

Но почему же тогда так: человек грешит, потом кается. Потом вновь грешит, и вновь кается. И так до бесконечности. Сказка про «белого бычка»?

Нет, не про белого. Формула: не согрешишь — не покаешься, верна. Но она же не белка в колесе, не бегает по кругу. Искреннее покаяние в любом случае человека выравнивает, а формальное, так себе, не улучшает, даже тянет вниз. Отсюда все возражения слабо, формально верующих: «Я каялся, причащался, а у меня всё по-прежнему». Ходим в жизни не по кругу, а по спирали. Время-то идёт. А спираль и вверх раскручивается и вниз утягивает. Это и есть свобода воли, данная нам. Кто нас заставляет грешить? Нечистый? Нет, и он не может заставить, но он соблазняет, завлекает ко греху. И мыслями и помыслами. Лучше всего отсекать его зов ко греху в самом начале. Быть начеку. Трудно? Даже очень, ибо нечистый гораздо опытнее любого из нас. Но возможно. Но только без упования на свои силы, только на Бога.

Возможно, я ошибаюсь, Владимир Николаевич, но мне кажется, наши родители, наши бабки и деды были нравственно чище и лучше нас. Несмотря на тяжелейшую жизнь, на войны — нравственного ничтожества прежде было значительно меньше. Как же так?

Увы, такова природа человека. Живёт в бедности — терпит, другим помогает, выскочил из нужды — никто не нужен. Вот таков человек в массе

своей: хорошо ему — надо ещё лучше. Тормоза самоограничения не срабатывают, жаба зависти съедает: у соседа дача лучше и жена красивее. Ругают прежнюю уравниловку, но это же хорошо, что общий уровень жизни диктовал нормы поведения. Не помню, кто писал: интеллигент в России раньше стыдился, что живёт обеспеченнее других, теперь стыдится, что живёт беднее. Но опять же надо стараться не завидовать: всё равно помирать. Дачу в гроб не засунешь.

Что тогда получается: блага цивилизации — дачи, машины, шмотки — для человека первейшее зло? Искушение? И истина добывается жизненными страданиями? Чем длиннее история человечества, тем дальше оно от Бога?

Но нельзя же человечество воспринимать неким единым образованием: нет ни одного человека, похожего на другого: отпечатки пальцев, губ, сетчатка глаз, голос… всё разное. И блага цивилизации для кого как: одним хватает избушки, другим нужен дворец, у одного радость в знаниях, у другого — в недвижимости. Кто-то уходит от Бога, кто-то стремится к Нему. А вся история цивилизации — это не классовая борьба, как учили большевики, а понимание, что душа бессмертна. Отсюда и содержание земной жизни. Которую Бог подарил нам и отдал в полное наше распоряжение. А как мы распоряжаемся ею, каждый может судить по себе. Что касается страданий, то да, без них — никак. Но Священное Писание, да и простая порядочность учат, что во всех своих бедах человек виноват прежде всего сам.

Чем же тогда оправдана земная жизнь, если она так или иначе приходит к одному — заканчивается небытием? И что есть литература? Отражение действительности или же моральное поучение?

— Виктор Семёнович, каким же небытием? Она тогда только начинается. Мы же православные люди, день нашей земной кончины — это день рождения в жизнь вечную. А литература для меня — способ приближения к спасению. То есть к храму, исповеди, причастию. Я понимаю, что я, может быть, не то говорю, что от меня ждут, но так живу уже года с 1976-го. По сути, все мои работы, они о святых людях и о святых местах. Это для меня и поучение, и описание действительности, которую я вижу.

Вас крестили в детстве? Вы помните первое посещение храма? Церковные праздники в 40-е годы?

Крещение помню. В кладбищенской церкви в Кильмези. Мне шесть лет, брату четыре, сестричке три месяца. Священник, потом узнал, отец Гавриил, как говорила мама, «весь обахался: впервые говорит, у одной матери троих враз крещу». Когда причащали, мне так понравилось, что я сказал: «Дедушка, дайте ещё». Так что я дважды причастился. А крестной матерью была зашедшая в храм

бедная женщина в лаптях. Шла по тракту (через Кильмезь пролегает Великий Сибирский тракт), её попросили быть моей крёстной. Теперь возвожу это до символа — сама Россия крестила меня.

Но следующее причастие было через долгие годы: кладбищенскую церковь вскоре сожгли, а церковь в селе переделали в Дом культуры. Причастие моё возобновилось уже после армии в Москве, в 1971-м году. А с 76-го стало регулярным. Последние годы оно стало ежевоскресным. А сегодня сижу на карантине и в храме не был. Это тяжело перенести. Но как же родители, лишённые Богослужений, Бога сохранили? Из детства-отрочества помню Пасху Христову. То ли большевики забыли наше село, то ли все верили в милость Божию, но Пасха у нас была самым радостным днём. Чистые, пусть штопанные рубашки, крашеные яйца, свежая стряпня, запах которой иногда потом снился, игры на лужайках, качели. Нас от Бога отбивали, но Он нас никогда не оставлял. Когда же начались чудовищные хрущовские гонения на Православие, Господь призвал меня на три года в Советскую армию и я, очень активный комсомолец, слава Богу, в гонениях не участвовал. Даже и потом, в институте, когда мы, дружинники, на Пасху дежурили у храмов, то мы защищали верующих от специально настроенной пьяной шпаны. Бог им судья, этим молодчикам: у старух вырывали иконы, швыряли на землю. Но я видел: убивай старух, жги огнём, они будут идти и петь: «Христос Воскресе из мёртвых…». И эти впечатления, и воспоминания о семейной иконе в нашей семье (она жива, она в Вятке у брата), постоянные мамины благословения, когда мы куда-то шли: «Идите с Богом», конечно, крепили веру. А недалеко было и умственное постижение роли Православия в России, знакомство со священниками… То есть воцерковление, без которого бы не было ни моей жизни, ни моих работ.

Вы из поколения детей войны — родились в сентябре 1941-го. Помните ли вернувшихся с фронта рядовых защитников Отечества: безруких, безногих инвалидов?

Очень помню. Очень. И жалость к ним от всех односельчан помню. И коляски инвалидов, и пивную «Голубой Дунай». И как отменили льготы на ордена. И как не платили тем семьях, в которых отец, сын, муж пропал без вести, на которого не было похоронки. Это всё настолько больная тема, что лучше не вспоминать её.

Кто-то из великих заметил: «Правда без любви есть ложь». Разделяете это утверждение?

Это никто из великих не говорил, это кто-то невеликий исказил выражение: «Правда без любви — это жестокость». У нас так бывает: привыкнут ко лжи и выдают за правду. Так же не договаривают выражение: «О мёртвых или хорошо, или ничего».

Она звучит по правде так: «О мёртвых или хорошо, или правду». А то так даётся подлецам надежда, что их простят.

Так откуда же столько лжи, Владимир Николаевич? О той же войне… Во времена уже давние, на заре моей литературной молодости, офицер-фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны, поведал памятную историю: «Мне в батальон как-то одного писаку прислали. Да со строгим приказом, чтобы я его на передовую ни в коем разе не пускал, чтобы охрану выделил и всё такое прочее… Ну ладно, встретили по-людски, накормили, напоили. Майор в тёплой штабной землянке выспался вдоволь и давай меня потом пытать. Расскажи, мол, как это мои солдатики с именем товарища Сталина на устах в атаку ходят, отважно смерть принимают. Я ему в протест возражаю: «Ты что, писатель, какой Сталин? Ты что это нафантазировал?.. Да когда атака и встречный огонь — это ад! И гул сплошной над окопами, и мат на мате невообразимый. И будь ты хоть самый святой-рассвятой, тоже народный язык мигом вспомнишь. О Сталине ли тут кричать? Человек тогда на человека не похож — зверь зверьём, волосы — дыбом, рот распахнут, ногти как когти. Любого разорвёт. А как иначе: или ты, или тебя. Смерть ведь впереди, в глаза смотрит, она всех приберёт, без разбора. И ей, суке, неважно — герой ты или трус, партейный или колхозный…» Вот я майору всё это в деталях и доступно растолковал. И что в итоге? Получаю газетку, начинаю читать — ну, волшебная сказка в заметке, а не война! «Бойцы капитана Семёнова ходят в атаку с именем товарища Сталина на устах» — так и написал. Чёрным по белому. Героя якобы из меня сделал. А на самом деле — посмешище… Ладно, дело прошлое. Но, знаешь, что я сейчас с горестью подумал? Что именно такие вруны и пустословы выживут в первую очередь, а после распишут во всех красотах, какой была наша война. Книжки выпустят с героическими романами, воспоминания настрочат. И столько там лжи будет — мама дорогая! Целые библиотеки. И всё сплошная ложь и выдумка. А кто возразит, кто запротестует — некому. На безымянных высотах тысячами полегли да в танках заживо сгорели эти возразители»…

— Как же надо писать о войне? — спросил я тогда фронтовика.

— А о войне надо писать так, чтобы… Ну, не знаю… Чтобы обложку книжки едва открыл, а оттуда, с первой страницы, как из люка сожжёной машины, бьёт в лицо сладкий запах человеческого мяса. И у тебя сразу волосы седеют… Вот это будет настоящая война, а не детская игрушка! Чтобы слова болью дышали, а практически каждая страница — кровью и гноем сочилась. Чтобы читателя при чтении колотило до сердечного озноба и потери сознания, как нас здесь колотило. Тысячи, миллионы таких, как мы, которые потом Богу душу отда-

ли. А иначе зачем всё это? Зачем эта полуправда или пустая выдумка? Да и нет на свете полуправды, не бывает. Полуправда есть ложь… Так откуда же столько лжи?

На этот вопрос отвечает Писание: отец лжи — диавол. И он с лёгкостью находит слуг. Среди, прежде всего, тех же пишущих. Но и они разные. В основном, такие, как помянутый вами «писака». Но есть же и правда войны, есть «генеральская» литература, и есть окопная правда. Те же Виктор Астафьев, Константин Воробьёв, Юрий Бондарев, Василь Быков, Виктор Некрасов, Владимир Богомолов, Вячеслав Кондратьев… На западе это Генрих Бёлль и Эрих Мария Ремарк. Помню, фронтовики были очень немногословны, когда мы приставали к ним с расспросами. Война — это отклонение от нормы, кому хочется вспоминать ненормальность. А диаволу опять хочется втравить людей в смертоубийство (пример: Карабах, Сирия, подогревание Украины). И представляются войны в розовом или фальшивом цвете. Тут и Сталин годится и бравые вояки («Русской ложкой деревянной семерых один убил»), и замена красного цвета крови на розовый, романтичный. Ничему мы не учимся. «Мы в истории ограблены, но опять на те же грабли мы». Опять, как двоечники, остаёмся в том же классе. Но жизнь — не школа, в ней не у доски стоят, а в землю ложатся!

У меня в руках ваша первая книга — «Зёрна», где тоже присутствует тема войны: безногий председатель-фронтовик, мальчишка, у которого затягивает руку в молотилку… Или пронзительный рассказ «Передаю…» Знаю, как дорога́ бывает писателю самая первая книга. Расскажите, как шла над ней работа.

Помню, я страдал, что у меня нет книги. В самом деле, уже тридцать три, а книги нет. Но вот, после четырехлетних издательских терзаний, рецензий, редзаключений, редакторской правки — вышла. Это было такое счастье! Получил в руки авторские экземпляры, позвонил жене. Увиделись в Александровском саду у Кремлёвской стены. Надя прижимала книгу к груди, гладила обложку. И вот — я не выдумываю — над нами пролетели два аиста. Это был апрель 74-го года.

Продолжение следует.